

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

Книжная серия

«ТЕОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Серия основана в 2021 году

* * *

Редакционная коллегия серии

д. филос. н. Г. В. Вдовина; к. богосл. свящ. Д. Ю. Лушников;
д. филос. н. Р. В. Светлов;
д. теол., к. филос. н. игум. Серапион (Митько А. Е.);
д. теол. прот. В. Ф. Хулап;
д. филос. н. Д. В. Шмонин; д. филос. н. В. К. Шохин

Монография продолжает серию изданий научной и учебной литературы, осуществляемых Научно-образовательной теологической ассоциацией в рамках межвузовского взаимодействия, направленного на развитие теологии как отрасли знания, теологического образования и изучения религиозных культур народов России.

Издание осуществлено при поддержке
храма Сретения Господня на Гражданском проспекте
(Санкт-Петербург)

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
Кафедра богословия
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

В. К. Шохин

**ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОЛОГИЯ:
ВАРИАЦИИ, МОМЕНТЫ, ЭКСПРОМТЫ**

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА

2022

УДК 141.4+2-1
ББК 87.3+86.20
Ш82

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС P22-205-0108

Рекомендовано к публикации
Научным советом Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

Выписка из Протокола № 12 от 11.03.2022 г.

Рецензенты:

Протоиерей Владимир Файкович Мустафин — доктор богословия (honoris causa), профессор кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии
Алексей Русланович Фокин — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии религии Института философии Российской академии наук

Шохин В. К.

Ш82 Философская теология: вариации, моменты, экспромты: монография / Владимир Кириллович Шохин; Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. — 512 с. — (Теология: история и современность).

ISBN 978-5-906627-92-6

Новая книга В. К. Шохина, известного российского индолога и философа религии, одного из ведущих отечественных специалистов в области философии религии, может рассматриваться как завершающая часть трилогии по философской теологии (предыдущие монографии: «Философская теология: дизайнерские фасеты». М., 2016 и «Философская теология: канон и вариативность». СПб., 2018). На сей раз читатель имеет в руках собрание эссеистических текстов, распределяемых по нескольким разделам.

В раздел «Методологика» вошли тексты, посвященные соотношению философской теологии с другими форматами рациональной теологии (аналитическая философия религии, естественная теология, фундаментальная теология) и осмыслению границ компетенций разума в христианской вере. В «Систематике» предложены уже осмысления границ теизма, обоснований существования Бога, атрибута Божественной вневременности, трактовок Откровения, определений христианских догматов, догмата об Искуплении, а также проблемы зла и теодицеи. В «Полюмике» собраны критические эссе по атеизму, антитеизму и сегодняшней (уже квазихристианской) теологии политикорректности. Завершается книга текстами по «Компаративистике», в которых осмысливается феномен религиозного фундаментализма, понятия «диалог религий», а также возможности апологетической рецепции тех элементов философской теологии, которые содержатся в наследии индийской духовной культуры.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов теологии, исследователей философии религии, а также на занимающихся философами Южной Азии.

УДК 141.4+2-1
ББК 87.3+86.20

ISBN 978-5-906627-92-6

© В. К. Шохин, 2022
© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
МЕТОДОЛОГИКА	19
Философская теология и основное богословие*	21
Назад к Декарту: некоторые правила для руководства теологического ума	53
Основные категории межрелигиозного диалога: от мнимой самоочевидности к проблематизации*	76
СИСТЕМАТИКА	89
Может ли теизм не быть персоналистическим?*	91
Обоснования существования Бога: новый опыт классификационного анализа*	113
Самоочевидно ли «Откровение»? Размышляя над типологией Эйвери Даллеса*	133
Философская теология и библейская герменевтика: дискурс о постструктуралистском вызове*	161
Почему бы Богу не существовать вне времени? К одной большой дискуссии в аналитической метафизике*	175
Проблема зла: теодицея и апология*	202
Философско-теологический дискурс и определения догматов в духовно-академической школе синодального периода*	217
Концепции искупления в аналитической теологии и некоторые неучтенные метафоры	246
ПОЛЕМИКА	287
Феномен атеистического фидеизма*	289
В чем все-таки новизна «нового атеизма»?*	304
Новационна ли «культабилизация»?*	316

Миф о реинкарнациях в постхристианскую эпоху*	320
Антигуманна ли христианская эсхатология? (Комментарии к статье В. В. Кузева)*	332
Ганс Кюнг и предлагаемый им проект глобального этоса*.....	348
Основное богословие и конъюнктурная теология. Предисловие к книге М. Кнаппа*	362
КОМПАРАТИВИСТИКА	381
Эпистемологический и религиозный фундаментализм в перспективе интеркультурности*	383
Пауль Хакер и святоотеческая трактовка нехристианской мысли*	410
Индийская версия теодицеи*	429
Теизм, постмодернистские похороны метафизики и индийская атмавада*	443
Святая Троица и нехристианские триады (компаративистский этюд)*	461
Философская теология как практическая дисциплина.....	471
<i>Библиография</i>	482
Сведения об авторе	509

ПРЕДИСЛОВИЕ

Философскую теологию можно определить аналитически (в кантовском смысле) как исследование теологических предметов прежде всего средствами философского дискурса. При этом реальное соподчинение того, что определяется существительным и прилагательным, может рассматриваться по-разному: философскую теологию можно считать и философской дисциплиной с определенной специализацией, и дисциплиной теологической с определенным методом. История же вещей почти всегда закономерно опережает историю идентифицирующих их понятий, и философия никак не отличается здесь от прочих сфер человеческой мысли.

Слово «онтология» появилось (XVII век) несоизмеримо позже, чем начали всерьез размышлять о сущем, «эстетика» (XVIII век) — чем стали рассуждать о прекрасном, а «эпистемология» (XIX век) по крайней мере на два с половиной тысячелетия запоздала в сравнении с начальным теоретизированием о познании. Философские исследования теологической проблематики шли к своей терминологизации тем же неспешным шагом. Первым философом, который начал решать вопрос о количестве и качестве божественного первоначала в полемике с не склонными к рефлексии традиционалистами, был, скорее всего, великий Ксенофан из Колофона (даты его жизни решаются сейчас разместить ок. 570 — после 478 до н.э.¹), а первые строительные материалы для интересующего нас понятия начали завозить на строительную площадку где-то около трех столетий после его акмэ. Стойки, начиная

¹ Лебедев, 2008: 443.

с третьего схоларха Хрисиппа (ок. 278–205 гг. до н.э.), эпикурейцы, скептики именно с этого времени начали делить богов и, соответственно, тео-логию (как учение о них), на три части, одну из них — мифотворческую — предоставив поэтам и драматургам (начиная с Гомера и Эсхила), другую отдав чиновникам полиса, следившим за правильностью календаря и обрядовых процедур, а третью отложив для философов, которые занимались преимущественно аллегорическим истолкованием сакральных персонажей и приписываемых им деяний («теология философов»²). Римские же энциклопедисты Квинт Муций Сцевола (140–82 до н.э.) и особенно Марк Теренций Варрон (116–27 до н.э.) сделали это обобщение религиозной действительности в параметрах мифа, закона и умозрения³ всеобщим достоянием⁴.

Но путь от «теологии для философов» до «философской теологии» оказался долог. Только в комментарии Фомы Аквинского к трактату Бозция «О Троице» (1257/1258) он был впервые пройден неуверенными шагами, в результате которых выяснилось, что «философская теология (*theologia philosophica*) трактует об отделенном второго рода как о [своих] предметах, а об отдаленном первого типа как о началах предмета. А теология Священного Писания (*theologia sacrae Scripturae*) трактует о [своих] предметах как об отделенном второго рода, хотя в ней трактуются также и о том, что пребывает в материи и движении — насколько это требуется для пролития света на божественные вещи»⁵. Понятно, что такие субтильные различия

² В связи с этим делением богов у Хрисиппа см.: [Фрагменты стоиков, 2002: 190].

³ Lieberg, 1973: 106–107. Такова была оценка наиболее авторитетного и глубокого исследователя данной схемы (изучившего все доступные латинские и греческие источники), которая в действительности была скорее религиозической, чем собственно теологической.

⁴ Трехчастная схема излагается в самом монументальном произведении блж. Августина (*Aug. Civ. D. IV, 27; VI, 5; VI, 12*).

⁵ Aquin. *Super De Trinitate*, pars 3 q. 5 a. 4. co 4. Предложенный перевод опирается на недавно опубликованный, незначительно, однако, отличаясь от него (основное отличие в том, что там *subiect* трактуется как «субъект», а не «предмет изучения»). См.: [Фома Аквинский, 2014: 263].

не могли обеспечить ясного представления о том, как теология, исходящая из разума, должна соотноситься с той, что исходит из Откровения, и вполне понятно поэтому, что «философская теология» Фома ушла в историю вместе с ее создателем (хотя и оказалась в числе тех стимулов, которые со временем привели к гораздо более функциональному разграничению *theologia naturalis theologia revelata*⁶).

Проходит более 550 лет, и то же понятие в виде *die philosophische Theologie* становится одной из трех теологических дисциплин в «Кратком изложении теологии, составленном для вводных лекций» (1811). Тот раздел богословия, который соответствует философской теологии, ответствен за изложение самой сущности христианства (два других раздела — теология историческая и практическая — над ней надстраиваются), в соответствии с которой оно образует определенный образ веры (*Glaubensweise*), но также и определенную форму общины; сама же философская теология призвана выполнять две функции — апологетическую и полемическую⁷. Но и шлейермахеровская философская теология не пережила своего автора: даже его ближайшие последователи в состав богословских дисциплин ее не включали. Дело скорее всего было в том, что она была «слишком философской», слишком индивидуально-авторской для адаптации к церковно-богословскому учительству, для которого философ ее предназначал.

Становление философской теологии не только как самосознающей, но и как уже «самопродолжающейся» области дискурса начинается только в XX в. Вехой становится издание первой монографии (в двух томах) под названием «Философская теология» (1928–1930) английского теолога Фридриха Теннанта, которая была посвящена трем традиционным

⁶ Понятие *theologia naturalis* было вычеканено уже весьма скоро в соперничавшей с томизмом школе последователей Иоанна Дунса Скота, конкретно Николаем Бонетусом в одноименном трактате «Естественная теология» (ок. 1330). Правда, само словосочетание *philosophia naturalis* впервые встречается у блж. Августина (Civ.D.VII.6) — как обозначение теологических упражнений античных философов.

⁷ См.: [Schleiermacher, 1830: 5, 27].

топосам классической метафизики Нового времени — душе, миру и Богу⁸. На нее начали ссылаться, ее помнят и в настоящее время. Однако само словосочетание могло бы снова уйти в историю, если бы его не «раскрутили» четверть века спустя. Этим оно обязано было (тут в который раз оказалась в действии гегелевская «хитрость мирового разума») тогда начинавшим только «набирать обороты» атеисту Энтони Флю (ставшему под конец жизни теистом) и марксисту Аласдеру Макинтайру (ставшему лет через тридцать добрым католиком), которые издали сборник статей «Новые эссе по философской теологии» (1955). Существенно важно, что составители, по их собственному признанию, избрали само словосочетание *философская теология*, ссылаясь не на Теннанта, а на гораздо более заметную фигуру Пауля Тиллиха (и сопоставив его с такими добротными аналогами, как «философская этика» и «философская эстетика»)⁹. Это было преимущественно философское предприятие.

А десятилетие спустя шотландский англиканин Джон Маккуорри в фундаментальном труде «Принципы христианской теологии» (1966) поставил акцент уже на теологическом содержании этой дисциплины, включив ее в качестве первого раздела в состав систематической теологии. Еще два десятилетия спустя некоторые перворазрядные аналитики начинают обобщать свои прежние размышления о вере, этике и теистической метафизике в качестве предметов данной области изысканий, о чем свидетельствуют, например, авторские сборники статей американских философов Роберта Адамса «Добродетель веры и другие эссе по философской теологии» (1987) и Уильяма

⁸ См.: [Tennant, 1928–1930].

⁹ Flew, MacIntyre, 1955: X. При этом они сознательно решили дистанцироваться от философии религии, которая ассоциировалась у них с идеалистическими попытками фундирования теизма. Скорее всего, по той же причине они не упомянули и двухтомник Теннанта, который мог бы очень удачно для них сыграть роль «старой философской теологии». Апелляция к Тиллиху, который философскую теологию лишь упоминал, в этой связи представляется понятной, так как немецко-американский теолог был кем угодно кроме ортодоксального теиста.

Олстона¹⁰ «Божественная природа и человеческий язык: эссе по философской теологии» (1989). Окончательно же это словосочетание и, главное, соответствующая область познания начали восприниматься в качестве уже принятых (во всяком случае в аналитической традиции) совсем недавно — на рубеже XX–XXI вв., а в настоящее время периодически выпускаются антологии и авторские собрания статей, в которых публикуются аналитические философы первого ряда, занимающиеся теологической проблематикой¹¹.

«Средний куррикулум» включает прежде всего то, что можно было бы назвать разделом *теологических пролегоменов*, в который включаются разнообразные аспекты рациональности религиозных верований (только на этих правах в некоторых случаях включаются и обоснования существования Бога, которые, как без всякого основания считается, должны составлять специальную область философии религии¹²), а также проблемы «религиозного языка» — обсуждение того, в какой мере он может передавать знания о «божественных вещах»¹³. Следующий блок — дискуссии о природе

¹⁰ При транслитерации фамилии этого американского философа (Alston) мы руководствовались свидетельством одного его ученика о том, что сам себя он считал именно Олстоном. Вопрос, правда, не является закрытым для некоторых его современных англо-американских коллег.

¹¹ Этот краткий экскурс в историю философской теологии является экстрактом из нашей монографии [Шохин, 2018а: 18–29].

¹² В самом деле, все более-менее известные антологии по аналитической философии религии содержат по значительному блоку, посвященному основным обоснованиям существования Бога, которые как правило трактуются как доказательства. Одним из самых цитируемых следует признать, вероятно, пособие Элеоноры Стамп и Майкла Мюррея, в котором вслед за статьями по Божественным атрибутам публикуются статьи наиболее известных специалистов по онтологическому, космологическому, телеологическому аргументам и по аргументу от религиозного опыта, с добавлением аргумента А. Плантинги от несостоятельности совмещения эволюционизма и натурализма [Stump, Murray, 1999: 59–149].

¹³ Пользуемся очень удачным, на наш взгляд, выражением кальвинистского теолога Джонатана Эдвардса (1703–1758), который, писал о том, что непосредственным предметом духовного чувства являются «духовное совершенство, красота или сладость божественных вещей» (цит. по: [Уэйнрайт, 2021: 45]).

Откровения и богодухновенности Писания, к которым в ряде антологий добавляется обсуждение вызовов источникам теистического авторитета со стороны библейской критики. Традиционная и большая тема естественной теологии, входящая в круг тем философской теологии, это рефлексия над природой *Бога-в-себе* — божественных атрибутов, которые я бы разделил на метафизические (простота, необходимость, всеприсутствие, вечность) и собственно теистические (всемогущество, всезнание и всеблагость). Следующий естественно-теологический предметный раздел составляет осмысление *Бога-в-мире*, и сюда входят Провидение, существование зла и теодицея, а также посмертная участь конечных разумных существ. Догматический же раздел складывается из обсуждения доктрин Троицизма, Боговоплощения, Искупления, Воскресения Христова и учения о воскрешении людей. Дивергенция мнений и дискуссии по всем перечисленным топосам наилучшим образом отражают применение аналитического метода к теологической проблематике. Этот формат является единым для философской теологии с другими брендами аналитической рациональной теологии, к которым относятся философия религии, естественная теология и отчасти фундаментальная теология. Предметную специфику философской теологии следует видеть в том, что в ней редуцируются обоснования существования Бога и «центрируются» христианские догматы.

В России обсуждаемое понятие также стало недавно входить в обиход, вначале в виде одного из разделов философии религии, а в настоящее время в качестве независимой от нее дисциплины¹⁴. При этом предпринимаются и попытки обозначения места философской теологии и в общем пространстве теологических дисциплин¹⁵.

¹⁴ Ю. А. Кимелев считает вполне правомерным рассматривать ее как одну из двух составляющих философии религии наряду с «философским религиоведением». Автор этих строк неоднократно подвергал это инклюзивное понимание философии религии решительной критике. См. среди других публикаций [Кимелев, 1998: 12–13, 15–16; Шохин, 2010а: 204–205].

¹⁵ См. в настоящей книге: Философская теология и библейская герменевтика: курс о постструктуралистском вызове.

Данное понятие, однако, стало входить в этот обиход недавно только номинально, тогда как фактически проблематика философской теологии обсуждалась очень активно во второй половине XIX — начале XX вв. в нескольких форматах отечественного духовно-академического образования — прежде всего в виде основного богословия и умозрительного. Некоторые же темы современной аналитической теологии, такие, как догмат об искуплении, стали предметом самой горячей полемики, которая не завершилась и в период изгнания русской богословской мысли за границу¹⁶. Ничего подобного этому живому и квалифицированному интересу к «умозрительным проблемам»¹⁷ мы не видим в настоящее время, хотя после освобождения от диктатуры государственного атеизма прошло уже более трех десятилетий. Религиозный книжный рынок монополизирован издательствами, публикующими популярную и популистскую литературу, а студенты и аспиранты высших богословских образовательных учреждений избирают для своих квалификационных работ и диссертаций какие угодно предметы кроме «тем верующего разума», предпочитая изложение (как правило, без актуализации) положений исторических авторитетов. Заказа на то, что свт. Филарет Московский называл «богословие рассуждает», в Церкви нет, есть скорее на «богословие пересказывает». Правда, спрос, как всегда, сообразуется и с предложением. На занятия рациональной теологией нет и запрета, и сколько автор этих строк ни пытался выяснить у студентов богословских институций, чем объясняется такое безразличие к этой области знаний, он, как правило, ответа не получал, а когда в редких случаях получал, то ответ состоял в том, что занятия этими материями являются интеллектуально затратными. Нежелание идти на эти затраты нередко оправдывается и очень

¹⁶ См. исчерпывающее исследование [Гнедич, 2007].

¹⁷ Весьма обстоятельные сопоставления позиций по доказательствам существования Бога (так назывались основные обоснования) в синодальный период, прежде всего в контексте оценки академическими профессорами Кантовой их критики, представлены в статьях [Лушников, 2017a; Лушников, 2017b].

своеобразными представлениями о благочестии. Между тем подобно тому, как душа человеческая выявляет себя не только в воли и чувстве, но, кажется, еще и в разуме, рассмотрение последнего как того, что надо преимущественно смирять и сдерживать, а если и использовать, то в основном для преодоления ересей (а такой взгляд отнюдь не является маргинальным), ведет к аномалии и в Церкви, у которой должны работать разные потребности и дары, ею получаемые. Поэтому проект реабилитации рациональной теологии, который автором этой книги мыслится через критическое освоение современной зарубежной философско-теологической мысли в контексте продолжения отечественных традиций, мог бы идти в определенном смысле и под таким слоганом, как «Вперед к синодальному периоду!»¹⁸

В заключение есть смысл в идентификации жанра этой книги. Я бы не назвал ее монографией в строгом смысле, поскольку она является преимущественно собранием тех статей и критических эссе, которые публиковались наряду с двумя монографиями — «Философская теология: дизайнерские фасеты» (2016) и «Философская теология: канон и вариативность» (2018). В примечаниях к каждому материалу указываются его исходные выходные данные. Два эссе («Назад к Декарту: некоторые правила для руководства теологического ума» и «Философская теология как практическая дисциплина») публикуются впервые, как, разумеется, и это предисловие, но также и завершающий текст «Философская теология как практическая дисциплина», тогда как «Концепции Искупления в аналитической теологии и некоторые неучтенные метафоры» представлены здесь в вариативном виде в сравнении с журнальной версией¹⁹. Некоторые из них представляют

¹⁸ Известный слоган прот. Георгия Флоровского «Вперед к Отцам Церкви!» также хорош, но самим автором его не был оправдан. Знаменитая концепция неопатристического синтеза очень удачна с лексической точки зрения, но содержание ее так и не было раскрыто им за тем исключением, что надо почитать Отцов Церкви, что неопустительно делали и те богословы синодального периода, к которым был обращен его суровый упрек за «западное пленение».

¹⁹ Шохин, 2021a: 68–96.

собой краткие конспективные размышления («моменты»), а некоторые — дискуссии «по поводу» («экспромты»). В книге сохраняются сквозные темы (отсюда и первое слово из ее подзаголовка — «вариации»), каковыми являются прежде всего акцентировка прав и уточнение компетенций индивидуального разума в религии, трехуровневая стратификация компетенций разума в «божественных вещах», история самой философской теологии и ее «межевание» с «соседями» (прежде всего с философией религии, однако и с другими разновидностями рациональной теологии), предметная структура философской теологии в англо-американских антологиях и вопросы к ней, но также и тема религиозного инклюзивизма, критика деидентификации христианской теологии, которая началась полстолетия назад под лозунгом «аджорнаменто», а также очень сильная квази-религиозная составляющая атеизма. Разумеется, если бы здесь были представлены главы монографии, эти повторяющиеся вариации были бы устранены. Однако фиксированные разделы книги, перекрестные ссылки в одних текстах издания на другие (выделяются в примечаниях полужирным шрифтом) и унификация ссылок библиографических во всех текстах вместе с объединенной для всех них библиографией наряду с определенным «аджорнаменто» текстов при подготовке данной книги не могут не убедить читателя в том, что он держит перед собой не сборник статей, а монографическое издание. Подзаголовок книги отражает не только то, что в ней объединяются сочинения малых жанров, но и убежденность автора в том, что философская теология является не разделом догматической или систематической теологии (хотя ее ресурсы всегда использовались в обеих), а философским искусством, реализуемым в размышлениях о «божественных вещах» (см. прим. 13). Пушкинский Моцарт был прав в том, что «из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия», а значит и философия как любовь к мудрости также имеет мелодический характер. А о том, что философская теология не столько наука, сколько искусство, свидетельствует

уже то, что основные теистические утверждения не являются доказательствами в собственном смысле, но демонстрируют искусство обоснования и убеждения (что, на всякий случай, никак не менее значительно).

Конец ознакомительного фрагмента